

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Маэстро теней

Подсказчик

Теория зла

Девушка в лабиринте

Игра Подсказчика

Девушка в тумане

Женщина с бумажными цветами

Донатто
КАРРИЗИ

ДЕВУШКА
В ЛАБИРИНТЕ

Санкт-Петербург

*Антонио.
Моему сыну,
самому прекрасному
из моих творений*

Если для остального человечества утро 23 февраля ничем особенным не выделялось, для Саманты Андретти этот день мог оказаться самым важным в ее молодой жизни.

Тони Баретта захотел с ней поговорить.

Всю ночь Сэм ворочалась в постели, словно одержимая бесами героиня какого-нибудь фильма ужасов, раздумывая, что могло подвигнуть самого красивого мальчика в школе — и во всей вселенной — захотеть поговорить именно с ней и, наверное, именно ей сказать полные смысла слова.

Все началось накануне. Во-первых, просьба не была высказана напрямую и не сам Тони озвучил ее. Среди подростков так не принято, для некоторых вещей существуют определенные ритуалы. Инициатива, разумеется, всегда исходит от заинтересованного лица. Но дальше следует сложная процедура. Тони привлек Майка, своего приятеля, тот сообщил Тине, с которой Сэм сидела за одной партой. А Тина уже передала ей. Простая, немудреная фраза, которая в замкнутом мирке средней школы могла означать очень многое.

— Тони хочет поговорить с тобой, — шепнула ей на ухо Тина во время физкультуры, радостно подпрыгивая, с блестящими глазами — ведь если с тобой случается что-то хорошее, настоящая подруга радуется так, будто это случилось с ней.

— Кто тебе сказал? — тут же спросила Сэм.

— Майк Левин, он меня остановил, когда я шла из туалета.

Если Майк обратился к Тине, значит встреча тайная и такой должна оставаться.

— Но что именно он тебе сказал? — допытывалась Сэм: надо удостовериться, что Тина все правильно поняла, — никто в школе не мог забыть историю бедной Джинны Д'Аббраччо, которую прозвали вдовушкой: когда один мальчик спросил, будет ли у нее кавалер на новогоднем балу, она приняла простое любопытство за приглашение и в своем длинном кисейном платье персикового цвета весь вечер простояла вся в слезах, ожидая призрака.

Тина повторила дословно:

— Он сказал: «Передай Саманте, что Тони хочет с ней поговорить».

Разумеется, пока они обсуждали случившееся, Саманта заставляла подругу вновь и вновь повторять эти слова. Просто хотела увериться до конца, что Тина ничего не перепутала, или, может быть, боялась, что какой-нибудь инопланетянин клонировал ее подругу с единственной целью: выставить ее, Саманту, на посмешище.

Было неизвестно, когда и где произойдет этот разговор с Тони, что еще больше угнетало Саманту.

Может, в школьной лаборатории или в библиотеке, воображала она. Или за оградой спортивной площадки, где Тони Баретта тренировался в секции баскетбола, а Саманта — волейбола. Только не у входа в школу, не в столовой и не в коридорах, это исключено — слишком много любопытных глаз и ушей. Однако, если хорошенько задуматься, именно то, что она не знала ничего толком и терзалась сомнениями, и было лучше всего. Сэм не могла бы как следует объяснить, почему после такой простой просьбы ликование в ней странным образом сменялось унынием, ведь предмет разговора мог удивить, а мог и разочаровать, но она была рада — да, рада — тому, что с ней происходило.

Ведь это случилось именно с ней, Самантой Андресетти, и ни с кем другим!

Напрасно мать твердила: то, что с тобой случается в тринадцать лет, ты лучше оценишь, когда станешь взрослой и взглянешь на прошлое другими глазами. В данный момент Сэм была счастлива, и счастье это принадлежало только ей, и никто в целом мире не в состоянии его понять или испытать нечто подобное. Это выделяло ее из всех, делало особенной... А может, она, бедняжка, заблуждается и вот-вот расквасит себе нос, столкнувшись с жестокой правдой: вообще говоря, Тони Баретта славился тем, что выставлялся перед девочками.

Все дело в том, что она никогда не думала о Тони. В таком смысле, во всяком случае. Природа только начала в ее теле свою тайную работу, и Сэм уже привыкла к мелким ежемесячным неприятностям, которые придется терпеть большую часть жизни, но еще

не могла оценить приятных следствий таких изменений. Саманта не отдавала себе отчета в том, что она красива, — может, и знала об этом, но не придавала значения. По правде говоря, новые формы, которыми начали интересоваться мальчики, стали открытием для нее самой.

Это заметил Тони? К этому стремился? Запустить руки ей под майку или — *Господи прости спаси Всевышний* — еще ниже?

Вот почему утром 23 февраля — в знаменательный день! — изнуренная бессонницей Сэм, наблюдая, как лучи рассвета заливают потолок ее комнаты, убедила себя, что Тони Баретта ничего такого не говорил и все это не более чем галлюцинация. Или, может быть, она слишком долго об этом думала и мысль, пройдя через извивы буйной подростковой фантазии, утратила всякую связь с реальностью. Был только один способ узнать, обманывается ли она. Поэтому следовало поднять усталое тело со сбившейся постели, собраться и отправиться в школу.

Итак, не слушая причитаний матери по поводу того, что она почти не притронулась к завтраку — о боже, ей и дышать-то трудно, не то что есть! — Сэм закинула на спину рюкзак и быстро направилась к двери, бесстрашная, но и чуть отрешенная, навстречу неизбежной судьбе.

Без пяти восемь улицы квартала, где жила семья Андретти, были почти пустынные. Те, кто работал, уже давно ушли, бездельники отсыпались после вчерашней попойки, старики дожидались, когда станет теплее, чтобы высунуть нос на улицу, а учащиеся тянули

до последней минуты, прежде чем двинуться в школу. На самом деле для Сэм такое время тоже было непривычно. Она подумала, не зайти ли, как обычно, за Тинной. Но прикинула, что подруга, наверное, еще не готова, а ждать, пока та соберется, не хватало терпения.

Не в такой день.

Пока она шла по тротуару, вымощенному серым кирпичом, ей попался навстречу только посыльный, искавший адрес, по которому следовало доставить товар. Она его даже не заметила, и посыльный тоже едва обратил внимание на спокойную девочку, шедшую мимо, — глядя на нее, никто и вообразить не мог, какая буря бушевала у нее внутри. Сэм прошла мимо зеленого дома Мачински, где противный черный пес носился вдоль ограды, каждый раз нагоняя на нее страх, потом мимо коттеджа, когда-то принадлежавшего госпоже Робинсон, а теперь разваливающегося на части, потому что родственники никак не могли поделить наследство. Обогнула футбольное поле за церковью Божьей Благодати. Был там и сад, и маленькая игровая площадка с качелями, горкой и большой липой, к стволу которой отец Эдвард прикреплял объявления для прихожан. Хотя вокруг царила тишина, улица упиралась в магистраль, по которой к центру города бешено мчались автомобили.

Но Сэм ничего этого не замечала.

Виды, представавшие перед ее глазами, служили чем-то вроде экрана, на котором запечатлелось проецируемое воображением, улыбающееся лицо Тони Баретты. Она шла, словно во сне, ее вела подспудная память о пути, сотни раз пройденном.

Но на полпути к школе Сэм вдруг засомневалась, годится ли ее одежда для свидания. Она надела любимые джинсы со стразами на задних карманах и прорезами на коленках, а под черную дутую куртку, на два размера больше, чем требовалось, белую фуфайку, которую ей привез отец из последней командировки. Но настоящей проблемой были синяки под глазами, проступившие после бессонной ночи. Она попыталась замазать их маминым тональным кремом, но не была уверена, что это получилось: Саманте еще не разрешали пользоваться косметикой и ей явно не доставало опыта.

Саманта замедлила шаг и оглядела машины, припаркованные вдоль тротуара. Сразу отмела серый «додж» и бежевый «вольво», обе были слишком грязные. Наконец разглядела вполне приемлемую. На противоположной стороне улицы стоял белый микроавтобус с зеркальными стеклами. Саманта перешла через дорогу, приблизилась, взгляделась в свое отражение. Но, убедившись, что тональный крем скрыл мешки под глазами, она отошла не сразу. Стояла и смотрела на собственное лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами, — Саманта очень любила свои волосы. Гадая, считает ли ее Тони достаточно красивой, Сэм старалась взглянуть на себя его глазами. Что он во мне нашел? И, терзаясь сомнениями, на какой-то миг проникла взглядом за отражающую поверхность.

Не может быть, — подумала она. И взгляделась лучше.

По ту сторону стекла, в полутьме, сидел огромный кролик. И глядел на нее, не двигаясь с места.

Саманта могла убежать — внутренний голос говорил ей: беги, да поскорее, — но она не пустилась наутек. Стояла, будто под гипнозом, зачарованная взглядом, исходящим из бездны. *Это все не взаправду*, — твердила она себе. — *Это не со мной!* Жертвы, как правило, не верят, что именно с ними творится нечто невыносимое, и вместо того, чтобы попытаться спастись, необъяснимым образом делают шаг навстречу судьбе.

Девочка и кролик бесконечно долго смотрели друг на друга, будто охваченные каким-то болезненным любопытством.

Потом внезапно дверь микроавтобуса распахнулась, и отражение Саманты исчезло. В момент, когда девичье лицо скрывалось из виду, она не заметила в собственных глазах страха. Скорее, изумление.

Когда кролик тащил ее в нору, Сэм и представить себе не могла, что долго, очень долго не увидит своего отражения.

Первыми из темноты явились звуки: будто оркестранты перед концертом настраивали инструменты. Звуки и хаотичные, и упорядоченные, но те и другие еле слышные. Ритмичное попискивание электронных приборов. Шорох колес: каталки движутся туда и сюда, позвякивают пробирки. Негромко взвизгивают телефоны. Шаги, торопливые, но приглушенные. Ко всему этому примешиваются голоса, невнятные и отдаленные, но все же человеческие — как давно она не слышала голосов? Слышала она и свое дыхание. Мерное, но глухое. Будто она дышит в пещере. Но нет: что-то стягивает ей лицо.

Второе, что зафиксировал ее ослабленный рассудок, был запах. Дезинфицирующее средство. И лекарства. Да, подумала она: так пахнут лекарства.

Она попробовала сориентироваться. Тела своего она не ощущала, знала только, что лежит на спине. Глаза закрыты, ведь веки тяжелые, такие тяжелые. Но надо сделать усилие и приподнять их. И поскорее, чтобы то, что должно произойти, не застало ее врасплох.

Следить за опасностью. Это единственный способ.

Голос, только что прозвучавший, исходил изнутри. Не память, инстинкт. Сформировавшийся со временем, через опыт. Ей пришлось научиться выживать. Вот почему, несмотря на оцепенение, какая-то часть ее сознания была начеку.

Открой глаза — открой эти чертовы глаза! И смотри.

Она чуть-чуть разлепила веки, образовалась узкая щелочка для обзора. Зрачки потонули в слезах, но то не была эмоциональная реакция, плакала она скорее от досады — теперь она редко доставляла утробу случай наслаждаться своим отчаянием. На мгновение испугалась, что обнаружит себя в темноте, но вместо того разглядела голубоватый свет, заливающий пространство.

Как будто она — на дне океана. Там уютно, спокойно.

Но это мог быть грязный трюк, она давно испытала на собственной шкуре, насколько опасно доверяться. Когда глаза привыкли к свету, она скосила их в одну, потом в другую сторону, изучая окружающую обстановку.

Она лежала в постели. Голубоватый свет исходил от неоновых ламп на потолке. Вокруг — просторная комната с белыми стенами. Окон нет. Но слева, в глубине, огромное зеркало.

Он не любит зеркал, — снова подсказал голос. Как же такое возможно?

И потом: вот приоткрытая дверь, а за ней освещенный коридор. Оттуда и доносились звуки, которые она слышала.

Нет, это все неправда. В этом нет смысла. Где я?

Перед дверью сидел человек, спиной к ней, в темной одежде — только это она и могла разглядеть сквозь приоткрытую дверь. На боку — пистолет. Что за шутки? Что все это значит?

Только тогда она заметила, что к кровати придвинут столик с микрофоном и записывающим устройством. Рядом — металлический стул, пустой. Но на спинке — пиджак от мужского костюма. Значит, он где-то рядом. Вот-вот вернется. И волна страха захлестнула ее, словно морской прибой.

Только не это, подумалось ей. Страх — вот что вредит по-настоящему. Нужно отсюда выбираться.

Не так-то это легко, ведь сил почти не осталось. Она попыталась пошевелить руками, раздвинула локти, оперлась о матрас, чтобы приподняться. Длинные каштановые волосы упали на лицо. Тело не слушалось, удалось чуть-чуть оторвать голову от подушки, но она тотчас же завалилась назад. Что-то стягивало лицо: кислородная маска, соединенная с баллоном, висящим на стене. К руке прикреплена капельница. Она сорвала маску, вытащила иглу из вены. Но, оставшись без благотворного газа, почувствовала, что дыхание прерывается. Закашлялась. Попробовала вдохнуть воздух, окружавший ее, но тот был гуще, плотнее, чем свежий ветерок, которым она дышала до сих пор. Перед глазами заплясали черные точки.

Мрак одолевал, но она не желала сдаваться.

Сдернула простыню, покрывавшую ее ниже пояса, и сквозь туман, застилавший глаза, смогла разглядеть трубку, которая выходила из паха и втыкалась в прозрачный мешок, где копилась желтоватая жидкость.

Все еще лежа на спине, она скинула правую ногу с кровати. Но левой что-то мешало. Какой-то груз. И вот, потеряв равновесие, она рухнула — лицом в холодный и твердый пол. Левая нога стукнулась о него с глухим, каменным звуком.

Шум привлек чье-то внимание: она ясно расслышала, как открылась и закрылась дверь. Потом какая-то тень метнулась к ней, что-то звенело у пояса — связка ключей. Тень поставила на пол дымящуюся чашку и подхватила ее под мышки.

— Успокойся, — подбадривал ее мужской голос, пока чьи-то руки поднимали ее. — Спокойно, — повторил незнакомец, бережно неся почти бесчувственное тело. — Ничего страшного.

Она почти задышалась, теряя сознание. И прислонилась к груди мужчины. От него пахло одеколоном, он носил галстук, и это ей показалось нелепым и бесчеловечным.

Монстры не носят галстуков.

Мужчина водрузил ее на кровать, убрал волосы с лица и надел кислородную маску. Кислород наполнил легкие, она почувствовала себя лучше. Как следует уложив ее, мужчина подsunул подушку под левую ногу, загипсованную от лодыжки до колена.

— Так тебе будет удобнее, — заботливо проговорил он.

Наконец мужчина нащупал вырванную капельницу и снова вогнал иглу в вену. Пока он проделывал все это, она не сводила с него изумленного взгляда.

Она отвыкла от заботы. А главное, от человеческого общества.

И все равно постаралась взглядеться пристальней. Кто-то знакомый? Кажется, нет. Вроде бы лет шестидесяти, атлетического сложения. Круглые очки в темной оправе. Взъерошенные волосы. Кроме связки ключей на поясе, бейджик с фотографией на кармане голубой рубашки. Рукава закатаны до локтей.

Закончив укладывать больную, мужчина поднял с пола дымящуюся чашку и поставил ее на тумбочку рядом с желтым телефонным аппаратом.

Телефон? Не может быть!

— Как ты себя чувствуешь? — спросил мужчина.

Она не ответила.

— Ты можешь говорить?

Она молча воззрилась на него расширенными глазами, готовая в любой момент наброситься.

Он придвинулся ближе:

— Ты понимаешь, что я говорю?

— Это игра? — Голос был хриплый, приглушенный кислородной маской.

— Что? — переспросил он.

Она прочистила горло и повторила:

— Это игра?

— Не знаю, что ты имеешь в виду, извини. — Потом добавил: — Я доктор Грин.

Она не знала никакого доктора Грина.

— Ты в больнице Святой Екатерины. Все хорошо.

Она попыталась вдуматься в его слова, но не получилось. Святая Екатерина, больница — все это выше ее понимания.

Нет, все совсем не хорошо. Кто ты такой? Чего ты на самом деле от меня хочешь?